ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Лось Виктор Александрович
докт. филос. наук, профессор,
Российская экологическая академия.
Москва, ул. Большая Ордынка, д. 29, стр. 1
viktor_943@icloud.com

РИО-92: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ 30-ЛЕТИЯ СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ (часть 1: Устойчивое развитие: исторические и теоретические основания)

Los Victor A.
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Russian Ecological Academy.
Moscow, Bolshaya Ordynka, 29/1
viktor_943@icloud.com

RIO-92: PRELIMINARY RESULTS OF THE 30TH ANNIVERSARY OF THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT STRATEGY (part 1: Sustainable Development: Historical and Theoretical Foundations)

Введение. Рио-92 — Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, июнь 1992 г.), под эгидой которой не только сформулирована концепция устойчивого развития, но и разработаны основные механизмы и принципы ее реализации — УР-стратегия. Тем самым были намечены базисные ориентиры исторической динамики цивилизации конца XX — XXI в.

Материалы и методы. Использованы данные отечественных и зарубежных источников, посвященные историческим, философским и методологическим аспектам устойчивого развития. Исследование опирается на общенаучные методы логического анализа, сравнения и обобщения, а также системный подход.

Результаты исследования. Проблема взаимоотношений человека и среды его обитания изначально была объектом глубокого религиозно-философского осмысления. Однако лишь к началу XX в. ее интерпретация выходит на уровень фундаментальных научных исследований. В этом контексте особенное значение отводится анализу идей В.И. Вернадского, который придал социально-экологической проблематике концептуальный характер, связав представление об «автотрофности человечества» с феноменом ноосферы.

Обсуждение. Со второй половины XX в. мировое научное сообщество акцентировалось на анализе системы глобальных проблем современности, в качестве важнейшей из них рассматривалось обострение напряженности биосферы в процессе расширения деятельности глобального социума. Дискуссии показывали, что экофобная сущность мировой модели развития нуждается в радикальной трансформации, направленной на более активное восприятие современных социально-экологических и социокультурных стереотипов. Этот поиск обернулся разработками в сфере концепции устойчивого развития как актуальной стратегии позитивной динамики цивилизации.

Заключение. За последние 30 лет мировое научное сообщество приложило немало усилий не только для выявления истоков противоречия между взаимоотношениями человека и его социоприродной среды, но и для формулирования концептуальной модели развития цивилизации, обеспечивающей устойчивость глобальной системы «человек—общество—биосфера». Реализация механизмов стратегии устойчивого развития является ключом к позитивному и неуклонному продвижению цивилизации вглубь третьего тысячелетия.

Ключевые слова: *Рио-92, концепция устойчивого развития, ноосфера, понятийный аппарат теории устойчивого развития, «триада устойчивости».*

Introduction. Rio 92 — United Nations Conference on Environment and Development (Rio de Janeiro, June 1992) under the auspices of which not only the concept of sustainable development was formulated, but also the main mechanisms and principles for its implementation — SD-strategy, were developed. Thus, the basic landmarks of the historical dynamics of civilization of the late XX — XXI centuries were outlined.

Materials and methods. The work uses data from domestic and foreign sources on the historical, philosophical, and methodological aspects of sustainable development. The study is based on general scientific methods of logical analysis, comparison, and generalization. The systematic approach used in the work contributes to a holistic consideration of the theoretical foundations of the sustainable development phenomenon.

Results of the study. The problem of the relationship between man and his environment initially became the object of deep religious and philosophical reflection. However, only at the beginning of the XX century, its interpretation reaches the level of fundamental scientific research. In this context, special importance is given to the analysis of the ideas of V.I. Vernadsky, who gave the social and environmental issues a conceptual character, linking the idea about the "autotrophy of mankind" with the phenomenon of the noosphere.

Discussion. From the second half of the XX century the world scientific community focused on the analysis of the system of global problems of our time, as the most important of them was considered the aggravation of tension in the biosphere in the process of expanding the activities of the global society. The discussions showed that the ecophobic essence of the world development model needs a radical transformation aimed at a more active perception of modern socio-ecological and socio-cultural stereotypes. This search turned into developments in the field of the concept of sustainable development as an actual strategy for the positive dynamics of civilization.

Conclusion. Over the past 30 years, the world scientific community has made a lot of efforts not only to identify the origins of the contradiction between the relationship between man and his socio-natural environment, but to formulate a con-

ceptual model for the development of civilization that ensures the stability of the global system "man—society—biosphere". The implementation of the mechanisms of the sustainable development strategy is the key to the positive and steady progress of civilization deep into the third millennium.

Key words: *Rio 92, the concept of sustainable development, noosphere, the conceptual apparatus of the theory of sustainable development, the "triad of sustainability".*

Введение

Рио-92 — Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 3—4 июня 1992 г., Саммит III), под эгидой которой не только сформулирована концепция устойчивого развития, но и разработаны основные механизмы и принципы ее реализации — стратегия устойчивого развития (УР-стратегия). Тем самым были намечены базисные ориентиры исторической динамики цивилизации XX—XXI вв.

Целевая установка исследования — выявление истоков концепции устойчивого развития как стратегической модели преодоления исторической напряженности в глобальной системе «человечество—биосфера—цивилизация». При этом рассматриваются ее теоретические основания как предтеча выхода на уровень УР-стратегии — реализации установки на повышение «степени устойчивости» мировой социоприродной системы.

Уже в первой половине XX в. мировое сообщество отчетливо осознавало опасность остроты биосферной напряженности, обусловленной расширением и интенсификацией деятельности технико-антропогенного характера, ведущей к реальному нарушению сложившегося равновесия базисных элементов среды обитания человека, опасно угрожая качеству его жизни и даже его историческому выживанию. Именно этот тезис стал одним из ключевых в документах Конференции ООН по окружающей среде (Стокгольм, 1972, Саммит I). Более того, в его рамках было принято решение: каждую декаду подводить итоги эффективности деятельности в социально-экологическом контексте как на национальном, так и мировом уровне и намечать перспективные тренды динамики цивилизации.

Саммит II (Найроби, 1982) подтвердил выбранную природоохранную стратегию мирового сообщества, приняв, в частности, Всемирную хартию природы, где сформулированы основные экологические принципы международного сотрудничества. Тем не менее в течение «экологического десятилетия» (1982—1992) становилось очевидным, что акцент лишь на природоохранную составляющую деятельности социума утрачивает свой абсолютный статус, требуя учета более комплексных процессов реальности. Так возникло представление о теории устойчивого развития цивилизации (УР), где в единую концептуальную систему увязаны экономические, экологические и социокультурные уровни деятельности современного человечества. Поэтому Рио-92 рассматривается как одна важнейших реперных точек в исторической динамике цивилизации.

Документы Саммита III исходят из сочетания дальнейшей разработки теоретических оснований и принципов концепции устойчивого развития (Декларация Рио-92 об окружающей среде и развитии) и программы конкретных действий. При этом в рамках «устойчивого десятилетия» (1992—2002) наглядно выявилась его противоречивость, сохранившаяся и в последующем отрезке современной цивилизационной истории.

С одной стороны, процессы глобализации, составляющие основание УР-стратегии, способствовали активизации экономической взаимосвязи развитых и развивающихся стран, расширению возможности передачи странам «третьего мира» эффективных технологических систем, социокультурной взаимосвязи цивилизаций разных типов и уровней. С другой стороны, продолжающийся демографический рост, особенно в развивающихся странах, осложняет разрешение национальных и региональных социально-экономических противоречий. Не просто складывается и мировая социально-экологическая ситуация, несмотря на значительные капиталовложения в природоохранную сферу, отнюдь не улучшается положение человека и качество его жизни во многих странах мира.

Эта же противоречивость реализации принципов устойчивого развития в условиях глобализации отмечалась и в решениях Саммита IV (Рио-92 + 10, Йоханнесбург, 2002). Несмотря на противоречия современных форм и последствий глобализации, стратегия устойчивого развития по-прежнему рассматривается мировым сообществом как реальный путь не только выживания, но и исторического прогресса цивилизации. Дискуссии на его поле показали, что реализация на мировом уровне УР-стратегии оказывается не такой простой задачей, как казалось на рубеже 1980—90-х гг. В Йоханнесбургской декларации по устойчивому развитию указаны сохраняющиеся базисные трудности развития (неравномерность экономического роста, острый характер экологической ситуации и др.). Тем не менее ее вывод однозначен: современная цивилизация имеет все предпосылки для выхода на уровень развития нового типа, которое трактуется как УР-стратегия, ориентир цивилизации предвидимого будущего.

На Саммите V (Рио-92 + 20, Рио-де-Жанейро, 20—22 июня 2012 г.) — предполагалось дальнейшее ускорение цивилизации в направлении устойчивого развития, повышения степени практической ориентации этой ее модели. УР-стратегия рассматривалась в контексте более активной реализации принципов «зеленой экономики», позволяющей не только обеспечить баланс экономических и экологических стереотипов деятельности, но и приблизиться к преодолению остроты социальных противоречий, связанных, в частности, с бедностью. При этом стратегия устойчивого развития приобретала отчетливо выраженное прогностическое измерение, зафиксированное в названии принятого базового документа — «Будущее, которое мы хотим».

Саммиты, посвященные устойчивому развитию цивилизации, имели футурологическую направленность, особенно в преддверии третьего тысячелетия, а также более четкую целевую установку. Так, в Декларации

тысячелетия, принятой на Саммите тысячелетия ООН (2000), представлено восемь целей (Цели развития тысячелетия — ЦРТ), включающих ликвидацию абсолютной бедности и нищеты, сокращение детской смертности, обеспечение экологической устойчивости и др. Выход на уровень соответствующих решений предполагался ко второй декаде XXI в. Однако ближе к этому сроку (в 2015 г.) произошла пролонгация целевых установок тысячелетия. Под эгидой ООН была принята модернизированная программа «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». В ее рамках было выделено немногим меньше двух десятков целей (Цели устойчивого развития — ЦУР), а именно: ликвидация нищеты и голода, обеспечение здорового образа жизни, рациональное использование природных ресурсов и др.

Сравнительный анализ ЦРТ и ЦУР показывает, что, во-первых, не так легко выйти на уровень выполнения целевых установок, сформулированных ООН, ведь ликвидация бедности и нищеты является «вечной» и ключевой проблемой мирового социума, а острота глобальной социально-экологической ситуации только усиливается в исторической динамике цивилизации; во-вторых, целевые ориентиры УР-стратегии носят более всеобъемлющий и интегральный характер, и, в-третьих, целевые установки стратегии устойчивого развития имеют конкретную и направленную ориентацию, что, несомненно, повышает эффективность ее действенности и значимость оценочных установок.

В одном из последних базовых документов ООН, анализирующих мировую ситуацию, связанную с реализацией УР-стратегии (Доклад о целях в области устойчивого развития, Нью-Йорк, 2020), выявляется двойственность итогового анализа. Доклад отчетливо балансирует между негативными и позитивными оценочными характеристиками. С одной стороны, неуклонно ссылаясь на последствия пандемии COVID-19, подчеркивает, что на национальном, региональном и глобальном уровнях не удалось пока выйти на искомые целевые установки стратегии устойчивого развития. С другой стороны, в этой сложной мировой социально-экономической и демографической ситуации выявляются и положительные тенденции на пути к УР-стратегии: позитивный тренд «ковидного этапа» развития цивилизации заключается в том, что человечество неуклонно осваивало как тактические механизмы, так и вышло на уровень решений, призванных обеспечить конструктивную стратегию развития будущего мирового социума.

Материалы и методы

В работе использованы материалы отечественных и зарубежных исследований, связанных с целостным рассмотрением феномена устойчивого развития, а также его составных элементов, явлений и процессов. Подход позволяет приблизиться к пониманию имманентно сложного и противоречивого феномена. Опираясь на документы ООН, в том числе и доклады ЮНЕП, в статье показывается, что модель «зеленой» экономики, принятая

в рамках Рио + 20, становится основанием реализации стратегических представлений об «устойчивости» цивилизации. Иными словами, материализуясь, концепция устойчивого развития выходит на уровень доктрины, когда феномен УР получает отчетливые формы выражения в условиях общественной практики глобального социума.

Для подтверждения этого тезиса использованы публикации отечественных и зарубежных специалистов, материалы государственных и бизнес-структур, анализирующих основные направления и формы реализации УР-стратегии на национальном уровне.

Результаты исследования

Биосферная напряженность — имманентное свойство антропоцена, где расширение и интенсификация человеческой деятельности оборачивается усилением деградационных изменений локальных экосистем, а в исторической перспективе — биосферы в целом. Первоначально мифологическое и философское, а затем и научное сознание на каждом историческом этапе развития цивилизации давало собственную трактовку последствий взаимоотношений человека и биосферы. Однако на любом временном уровне пессимистическое мировоззрение исходило из доминанты негативных трендов этих процессов, а оптимистическое — акцентировало внимание на механизмах их возможного снятия.

В конце XX в. в рамках мирового сообщества было сформулировано представление о системе глобальных проблем современной цивилизации, о процессах глобализации, затрагивающих интересы, в сущности, всех стран мирового социума. Особая острота биосферной напряженности привлекает внимание к актуальным и перспективным трендам социально-экологических процессов. Прогнозы показывают, что экстраполяция современной ситуации во взаимоотношениях элементов системы «человек—социум—биосфера» ведет к фатальной деградации естественных подсистем биосферы, опасной для реального выживания всего живого, включая и человека (и человечество). В этом контексте дискутируется вопрос о реальных путях, обеспечивающих позитивный исторический динамизм современной цивилизации.

В общей форме речь идет о снятии тезиса, в соответствии с которым западная модель развития трактуется как ориентир динамизма мировой цивилизации. Базисные основания социума западноевропейского типа (антропоцентризм, экофобность, потребительство и др.), наряду с его конструктивными элементами (технологический прогресс, политический плюрализм, социокультурная полярность и др.), оборачиваются негативными социально-экологическими трендами. В 1990-х гг. стало ясно, что экологизация как один из определяющих процессов конструктивного развития современной цивилизации, не отвечает искомой задачи рационализации (и гармонизации) взаимоотношений человека, человечества и биосферы. Отсюда возникла необходимость более целостной концептуальной моде-

ли развития мировой цивилизации. В качестве таковой выступила концепция УР.

Однако встречаются суждения, согласно которым концепция устойчивого развития — иллюзорный фантом, абстрактная модель цивилизационной динамики, не имеющая оснований для реализации в условиях современной социальной реальности. Поэтому одна из базовых задач проведенного исследования состояла в том, чтобы показать: феномен устойчивого развития не только предлагает концептуальный ответ на снятие глобального социально-экологического противоречия, но и выводит это решение на практический уровень.

Мировое сообщество, несмотря на плюрализм подходов, достаточно четко дифференцируется по отношению к концепции устойчивого развития. «Оптимисты» доказывают, что только реализация механизмов УР-стратегии позволяет рассчитывать на преодоление дисбаланса взаимоотношений элементов системы «человечество—биосфера—цивилизация». «Пессимисты», отвергая саму возможность управления процессами глобализации, скептически оценивают позитивные перспективы глобального социума. «Реалисты», с одной стороны, рассматривают препятствия, осложняющие реализацию представлений об устойчивом развитии цивилизации, а с другой — оценивают возможности ее позитивного динамизма.

Исторические изыскания свидетельствуют о том, что противоречивость взаимоотношений элементов системы «человек—социум—биосфера» является ее имманентным свойством, обеспечивая цивилизационный динамизм. Однако продвижение человечества по «оси времени» оборачивается, с одной стороны, позитивными конструктивными изменениями во всех сферах его бытия, а с другой — ведет к дисбалансу исторически складывающегося равновесия подсистем биосферы, угрожая выживанию в традиционных формах и структурах всего живого. «Триада устойчивости» — теоретический ответ мирового сообщества на глобальные вызовы современной цивилизации.

Именно реализация позитивных трендов связана с теми ожиданиями, которые возлагаются научным сообществом (и социумом в целом) на концептуальную модель устойчивого развития цивилизации. Исследование вскрывает, с одной стороны, теоретические основания УР-концепции и ее понятийный аппарат, а с другой — выявляет «триаду устойчивости» — базисные условия, обеспечивающие ее выход на уровень конструктивных решений современной (особенно прогностической) социальной динамики.

Дилемма заключается в том, чтобы вывести эту теоретическую модель на уровень практической стратегии. Конструктивное ее решение обусловливает позитивное продвижение глобального социума в предвидимое будущее.

Обсуждение

Характер отношений элементов системы «человек—биосфера—социум» достаточно остро стоял на всех этапах становления и развития циви-

лизации современного типа. Однако с особенной очевидностью негативные тренды мировой социально-экологической ситуации начали осознаваться в первой половине XX в., когда стала реально восприниматься объективность несоответствия между абсолютностью роста мирового населения и возможностью его ресурсного обеспечения при сохранении равновесия исторически сложившихся экосистем.

Впрочем, еще античные мыслители, рассматривая окружающий природный мир по аналогии с живыми объектами, считали, что объекты природы, подобно любому цветку, рождаются, расцветают и умирают (Лукреций). Другими словами, с течением времени усиливается «бесплодие» материземли как основания человеческой жизнедеятельности. Значительно позднее из этих идей исходило мальтузианство, доказывая, что в силу биологических особенностей население планеты увеличивается в геометрической, а средства существования — в арифметической прогрессии. И это несоответствие предполагалось регулировать сугубо радикальными средствами (эпидемии, голод, войны и др.).

К началу XX в. становилось все более очевидным усиливающееся противоречие между ростом мирового населения и возможностями удовлетворения его материальных потребностей и негативными последствиями для биосферы расширения и интенсификации антропогенной деятельности. Поиски снятия этого противоречия становятся одной из определяющих задач мирового научного сознания, и в особенности «русского космизма», основателей которого отнюдь не устраивали мальтузианские рецепты [20].

Человечество, предсказывал К.Э. Циолковский, не останется на планете, а в процессе удовлетворения своих потребностей активизирует свое присутствие в космическом пространстве. Впрочем, современные исследователи обращают внимание не только на реальные перспективы «космической экспансии человечества», но и на стоящие на этом пути трудности не столько технологического, сколько концептуального характера: решать земные проблемы необходимо, с этой точки зрения, на планете Земля, а «землеотступников» ждет, утверждал Н.Ф. Реймерс, неминуемая гибель (см. [10]).

Еще в 20-х гг. XX в., учитывая прогностические тренды мирового роста населения и возможные негативные последствия расширяющейся производственно-хозяйственной и социально-экономической деятельности, В.И. Вернадский сформулировал вопрос (ставший действительно актуальным лишь спустя десятилетия): как человечество может сочетать объективный характер экспоненциального роста мирового населения и секторов его деятельности с необходимостью сохранения равновесия исторически сложившейся естественной среды обитания человека? Отвечая на него, Вернадский приходит к концепции «автотрофности человечества», которая рассматривается им как реальный механизм преодоления обостряющихся мировых социально-экологических противоречий [2]. В сущности, предполагается реализация четырех ее уровней.

1. Энергетический — выход на использование альтернативных энергетических ресурсов, включая и атомную энергетику (при этом учитывалась

возможность негативных последствий ее применения для человека и биосферы).

2. Химический — масштабное использование синтетических (полимерных) материалов, не отличающихся принципиально по своим свойствам и характеристикам от естественных (природных) соединений.

3. Пищевой — производство искусственно-синтетических продуктов на основе биологических и химических процессов.

4. Технологический — доминирование относительно замкнутых (цикличных) форм деятельности практически во всех сферах ее проявлений [13].

Вернадский считал, что формирование условий для реализации концепции «автотрофности человечества» открывает путь позитивного развития мировой цивилизации, создавая предпосылки преодоления естественно-исторического противоречия между относительной ограниченностью природно-ресурсного потенциала биосферы по отношению к материально-энергетическому обеспечению человечества и сохранением традиционного равновесия естественных глобальных экологических систем. Тем самым снимается, по его представлениям, мировой тренд на усиление остроты биосферной напряженности в исторической перспективе.

Более того, процесс «автотрофизации» бытия был положен в основание последующих его поисков «оразумления» («ноосферизации») взаимоотношений элементов системы «человек—цивилизация—биосфера» [21]. Иначе говоря, выявляется взаимосвязь автотрофных и ноосферных представлений Вернадского. Однако если реализация принципов и механизмов «автотрофности человечества» предполагает создание «материальной» основы для рационального «вписывания» цивилизации в биосферу (т.е. снятия ее напряженности, остроты давления на естественные экосистемы), то ноосферная стратегия исходила из «идеальной» ориентации перспектив взаимоотношений человечества и биосферы [3, 21, 22].

К сожалению, автотрофно-ноосферные построения Вернадского не были восприняты научным сообществом страны в должной мере, ибо в значительной степени опережали реальные возможности социума и не совсем соответствовали доминирующему идеологическому мировоззрению. Их время пришло спустя несколько десятилетий, когда стал очевиднее конструктивный прогностический статус возможной автотрофно-ноосферной стратегии цивилизации (правда, в иной терминологической интерпретации).

В середине XX в. современная цивилизация оказалась под гипнотическим влиянием «феномена НТР», с которым ассоциировались как позитивные («технологический оптимизм»), так и негативные («экологический пессимизм») тренды. Тем не менее экологическая статистка, преимущественно западная, свидетельствовала, что биосферная напряженность приобретает все более отчетливый и наглядный характер. Философское объяснение этому выводили из особенностей западного сознания с его доминантой антропоцентристских воззрений, когда интересы человека активно преобладают над природоохранными стереотипами [9, 11]; сущностные ориентиры («быть»), как заметил Э. Фромм, отступают под нати-

ском потребительства («иметь») [25], а античная экофильность утрачивает былой статус в условиях экофобности западноевропейского типа мировоззрения [7]. Социально-экологический подход давал свою трактовку тренда биосферной напряженности.

Как декада «экологической обеспокоенности» квалифицируется временной интервал между публикациями американского эколога Р. Карсон, представившей картину глобального загрязнения естественных экосистем инсектицидами, особенно ДДТ [26], и английского природоохранителя М. Николсона, поставившего перед современными «властителями мира» вопрос о необходимости «революции окружающей среды» для биологического выживания человечества [30]. Однако по праву завершил это десятилетие «экологической революции» первый доклад Римскому клубу, подготовленный исследовательской группой Д. Медоуза [29]. В его рамках на основе компьютерного моделирования показана не только реальность глобального «экологического коллапса» (при сохранении современной демографической и потребительской модели цивилизации), но и обозначена идеология нового типа развития (концепция «нулевого роста»), альтернативная традиционной модели: сокращение производственной деятельности, свертывание потребительства и стабилизация демографической динамики. Эта концептуальная модель квалифицируется как «алармистское воззвание» или «неомальтузианский манифест».

Конференция ООН по окружающей среде (Стокгольм, 1972) — консолидированный системный ответ мирового сообщества на глобальные экологические вызовы, что выражается как на теоретическом, так и на практическом уровне. В первом «экологическом десятилетии» (Саммит I, 1972 — Саммит II, 1982) в этом отношении было сделано немало. Прежде всего обозначены ориентиры модели цивилизации нового типа исторической динамики — экологического развития. Экоразвитие — это форма стратегии цивилизации, когда экспансия деятельности и человеческих потребностей реализуется с учетом современных социально-экологических воззрений, обеспечивающих рационализацию взаимоотношений элементов глобальной системы «человечество—биосфера—цивилизация».

Более того, многие государства мирового сообщества, преимущественно страны развитого мира, обозначили социально-экологические приоритеты национальной политики и производственно-хозяйственной деятельности [3, 5]. На национальном уровне стали создаваться такие условия, при которых удовлетворение материально-энергетических потребностей социума не должно было бы приводить к существенным деградационным изменениям естественных экосистем. Реализация государственной экологической политики связывалась с формированием соответствующих национальных структур (Агентство по охране окружающей среды (США, 1970), Министерство по вопросам окружающей среды (Франция, 1971) и др.).

Формирующиеся правовые отношения постепенно переводят организацию экологических взаимоотношений в рамки юридического нормотворчества — в национальную (федеральную) систему экологического права

(права окружающей среды) (например, Закон о национальной политике в области охраны окружающей среды (США, 1970), Федеральный закон об охране природы и ландшафтном планировании (ФРГ, 1976) и др.). Принцип охраны окружающей среды фиксируется в конституционных документах многих стран мира. Однако основная трудность заключается отнюдь не в принятии природоохранных документов, а в создании условий для неуклонного выполнения экологических предписаний. И если государственные механизмы экологического управления акцентировали внимание на административных методах, то в условиях развитых рыночных отношений преобладают регуляторы экономического характера.

Традиционные рыночные отношения, прежде практически не учитывавшие природоохранные факторы и условия, получили импульс к трансформации, пытаясь (именно опираясь на закономерности рынка) преодолеть свою историческую и социокультурную ограниченность. «Экологизация» рыночных отношений и создание «экологического бизнеса», в соответствии с которыми действует принцип «экологично — значит экономично», сформировали условия определенной рационализации деятельности в природоохранном контексте.

В этом же направлении ориентировалось и движение «зеленых», активизировавшееся в 1970-х гг. в Западной Европе и США. И если первоначально основу «зеленых» составляли группы молодежи (студенты, молодые рабочие, интеллигенция), то постепенно экологическое движение приобретало все более массовый характер. На его основе сформировались первые политические партии «зеленых», добивающиеся принятия экологически ориентированных решений на всех уровнях государственного и муниципального управления, инициируя в том числе и процесс международного природоохранного сотрудничества.

Именно на Саммите I было принято решение о создании Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП), координирующей и инсценирующей общественные национальные и международные усилия в сфере защиты и улучшения природной среды в интересах настоящих и будущих поколений. При этом многие вопросы международного сотрудничества в природоохранной сфере традиционно рассматриваются под эгидой специализированных учреждений ООН (ЮНЕСКО, ВОЗ, ФАО и др.). В рамках деятельности ЮНЕП создавались условия, обеспечивающие эффективность сотрудничества межправительственных и неправительственных организаций. На национально-региональном и глобальном уровнях активизировалось сотрудничество по изучению и оценке динамики качества природной среды, выявлению последствий деятельности человечества на состояние естественных подсистем биосферы.

В рамках второй «экологической декады» (Саммит II, 1982 — Саммит III, 1992) подводились итоги десятилетней деятельности мирового сообщества по реализации концепции экоразвития. Ее начало ознаменовалось принятием Всемирной хартии природы, определившей дальнейшую динамику международного экологического сотрудничества, и в частности

«генерализацию» международных юридических принципов охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, а ее промежуточный этап был связан с деятельностью Международной комиссии по окружающей среде и развитию (Комиссия Брундтланд, 1983—1987), вернувшей в научный оборот представление об устойчивом развитии социоприродных систем в широком контексте современных и прогностических построений.

Устойчивое развитие трактуется как развитие, которое удовлетворяет основные потребности настоящего времени и не ставит под угрозу удовлетворение собственных потребностей будущих поколений [18]. Это — базисное определение устойчивого развития, в основе которого лежит фиксация тренда на поиск гармоничных отношений между человеком и средой его обитания при удовлетворении разумных потребностей поколений не только настоящего, но и предвидимого будущего человечества. Очевидно, что устойчивое развитие — феномен имманентно интегральный, поэтому его однозначная интерпретация не вписывается в концепт реальности [17, 19, 23]. Его междисциплинарный характер предполагает и доминирование соответствующего подхода, когда разные специалисты (в силу своих профессиональных интересов) акцентируют внимание на определенном аспекте феномена УР.

В мировой литературе, исходя из различных научных стереотипов, выделяется несколько таких подходов:

- философский — в его рамках фиксируется качественная трансформация развития, преодолевающего традиционное доминирование количественного роста, обеспечивающего удовлетворение научно обоснованных потребностей индивидуума и гармонизацию его взаимоотношений с естественной средой бытия как настоящих, так и будущих поколений;
- экономический — экономическая экспансия социума по-прежнему рассматривается как основной «движитель» его социального динамизма, который, однако, получает четкие ограничительные импульсы экологического и социокультурного характера;
- социальный — исходит из необходимости удовлетворения рациональных потребностей социума и сохранения равновесия исторически сложившихся национально-региональных и глобальной экосистем, что предполагает конструктивный динамизм как современной цивилизации, так и ее прогностических структур и форм;
- демографический — в его рамках сокращение роста мирового народонаселения рассматривается как один из доминирующих факторов, обеспечивающих как удовлетворение рациональных потребностей глобального социума, так и сохранение параметров и характеристик биосферы в ее исторической динамике;
- модернизационный — опирается на тезис, в соответствии с которым адекватная реализация концепции УР на мировом уровне должна исходить из смягчения (а позднее и преодоления) социально-эко-

номических «ножниц» между развитыми и развивающимися «мирами» как одно из условий «устойчивости» биосферы;

- управленческий — предполагает выход на новый уровень государственного регулирования национально-региональными и глобальными социоприродными системами, когда высокая степень «неуправляемости» рыночных отношений активно сочетается с государственной управляемостью системы «человек—социум—биосфера»;
- социокультурный — адаптирует к реальности генетический и исторический антагонизм западных и восточных моделей бытия, пытаясь сформулировать механизмы его относительного снятия;
- прогностический — исходит из оценки стратегических перспектив преодоления остроты противоречий между человеком, социумом и биосферой в процессе удовлетворения рациональных потребностей все возрастающей в абсолютном измерении численности мирового населения.

И хотя представленные подходы к основным трендам феномена УР отличаются, тем не менее их многое объединяет:

- во-первых, осознание неотвратимости в исторической перспективе радикальных негативных изменений естественных экосистем, если не разрабатывать и не реализовывать альтернативные механизмы динамики цивилизации;
- во-вторых, восприятие того, что лишь интегральный подход выступает в качестве адекватной интерпретации феномена такого уровня и масштаба сложности;
- в-третьих, фиксация не столько современных, сколько перспективных тенденций развития социоприродных систем всех уровней, ибо выход цивилизации на уровень устойчивого развития предполагает сравнительно длительную временную пролонгацию.

При этом понятие УР получает трактовку как в узком, так и в широком смысле слова. Эти трактовки устойчивого развития отнюдь не альтернативны, а взаимодополнительны. Его «узкая» интерпретация исходит из преимущественного внимания к экологической составляющей, что оборачивается, в сущности, доминирующими представлениями о «биосферосовместимой деятельности». В «широком» контексте устойчивое развитие трактуется как феномен, обозначающий новый тип функционирования цивилизации, основанной на радикальных изменениях не только экологических, но всех параметров бытия, особенно его экономических и социокультурных компонентов.

Позднее модернизацию концептуальной основы представлений об устойчивом развитии стали связывать с дополнительной системой понятий, например, таких как «риск», «безопасность» и «качество жизни».

Понятие «риск» трактуется как мера опасности, обусловленная той или иной формой технико-антропогенной деятельности, а также природными катаклизмами. Конечно, на уровень реализации должны выходить лишь технико-технологические проекты, связанные с минимизацией по-

тенциальных негативных последствий. Очевидно, однако, что реализация любого технико-технологического объекта связана с риском для человека и окружающей его среды. Иными словами, необходимо оценить баланс между позитивными и негативными последствиями возведения конкретного объекта. К примеру, ответить на вопрос о соотношении степени риска строительства АЭС в сейсмически неустойчивой зоне и позитивных возможностей использования дополнительных энергоресурсов. И может оказаться, что проект располагается в зоне «приемлемого риска».

Несколько обширнее трактуется понятие «безопасность», которое включает разные сферы бытия — от личной безопасности индивидуума до глобальной — государства и всеобщей безопасности цивилизации. Это понятие имманентно интегрально: военно-политическая, социально-экономическая, экологическая, демографическая безопасность и др. Безопасность как своего рода ограничитель бесконтрольного роста, выход за пределы которого чреват вхождением в «турбулентную зону», где возможны военно-политические конфликты, экономические кризисы, экологическая деградация, острота депопуляции и т.п.

Более отчетливое человекоцентричное измерение УР получает в рамках понятия «качество жизни» как совокупности условий (экономических, экологических, социокультурных и др.), удовлетворяющих современным требованиям и потребностям человека. Если в рамках социоприродной системы любого уровня повышаются суммарные расходы на охрану природы, образование и здравоохранение, фиксируется увеличение средней продолжительности жизни населения, а уровень потребления стремится к оптимальным показателям, то вывод однозначен: очевиден тренд на повышение «качества» биосферы, а значит, и качества жизни человека. И это связывается с формированием его нового типа — экологического человека (см. [16, 24]). Реализация именно этой тенденции — один из определяющих факторов, стимулирующих выход социума на уровень устойчивого развития.

В начале XXI в. определение устойчивого развития, сформулированное под эгидой «комиссии Брундтланд» в конце 1980-х гг., может выглядеть примерно следующим образом. УР — есть такое развитие, которое, опираясь на эффективный экономический рост, удовлетворяет рациональные потребности социума, не выходя за пределы экологического риска и безопасности, обеспечивая повышение качества жизни как настоящих, так и будущих поколений цивилизации.

Понятие и сама концепция УР отнюдь не однозначно были восприняты мировым научным сообществом [14], которое разделилось на две полярные группы, назовем их «критиками» и «сторонниками». «Критики» не были согласны с предложенными терминологическими и концептуальными построениями, высказывали сомнение в принципиальной реализации выдвинутой теории, связывали ее появление с преимущественными интересами развитых стран и др. Однако по мере того, как структуры ООН не только ее выдвинули, но и неуклонно поддерживали, а мировой социум ее постепенно реализовывал в той или иной мере, «критики» ме-

няли свою точку зрения, а «сторонников» становилось неизмеримо больше. Все более отчетливо структурировалась «триада устойчивости», т.е. базисных представлений, составляющих основание концепции УР.

«Зеленая» экономика — основа концепции устойчивого развития

В конце первой декады XXI в. под эгидой ЮНЕП была представлена модель «зеленой» экономики, которая рассматривалась в рамках Рио + 20 (Саммит V) как базис реализации мировой концепции устойчивого развития. Современная цивилизация прошла длительный исторический путь от формирования основ традиционной («коричневой») экономики, связанной с техногенными выбросами в окружающую среду, до осознания необходимости ее радикальных изменений — масштабного «озеленения», т.е. повышения «степени экологичности», «уровня цикличности» и целенаправленной природоохранной ориентированности.

Выход цивилизации на уровень реализации принципов «зеленой» экономики — действенный ключ к рабочим механизмам стратегии УР [6]. Это предполагает осуществление реформ практически всех секторов современной экономической системы — от промышленных, сельскохозяйственных и энергетических структур до природоохранных и социокультурных подсистем.

Реформа должна работать на основе эффективности современного (и прогностического) экономического роста, который обеспечивается за счет государственных и частных инвестиций в базисные сферы функционирования социума. При этом вся структура его деятельности должна быть буквально пронизана социально-экологическим и социокультурным контекстом, что предполагает тренд на реальное улучшение качества жизни. По расчетам экспертов ЮНЕП, выделение дополнительных 2% ВВП создает условия, позволяющие на национальном (а в перспективе и регионально-глобальном) уровне приблизиться к реализации механизмов и принципов «зеленой» экономики.

Синдром «парникового эффекта» как выражение остроты социально-экологических противоречий

Одним из базовых документов Рио-92 (Саммит III) оказалась Рамочная конвенция ООН об изменении климата. Ее суть — в объединении усилий мирового сообщества по предотвращению климатических изменений в процессе сокращения выбросов «парниковых газов» (преимущественно двуокиси углерода и метана). В рамках последующих международных обсуждений (от Киотского протокола, 1977 к Парижскому соглашению, 2015 до Саммита по климату, 2021) уточнялась и детализировалась реализация соответствующих глобальных договоренностей.

Из них следует, что промышленно развитые страны не только являются основными «поставщиками» загрязнений, обеспечивающих «парни-

ковый эффект», но и берут на себя основные обязательства по сокращению собственных выбросов и поддержке соответствующих национальных усилий развивающихся стран. Предусматриваются экономические предпосылки, при которых рыночные отношения становятся существенным механизмом, повышающим эффективность социально-экологической направленности деятельности [27, 28]. Мировой бизнес сдвигается в сторону проектов, учитывающих не только их экономическую эффективность, но и природоохранную составляющую деятельности.

Мировое сообщество активно участвует в научных дискуссиях о перспективах реальных климатических изменений, разделившись на неравные страты. При этом одни связывают «повышательный» фактор с масштабами антропогенных процессов, а другие акцентируют внимание на природные процессы как «понижательный» фактор, отвергая антропогенное воздействие. Преодоление последствий «парникового эффекта» стало частью тренда на преодоление глобальных социально-экологических противоречий на пути к устойчивой модели развития цивилизации.

Социокультурная динамика: от экологической культуры к повышению ее степени устойчивости

На Саммите I представление об «экоразвитии» трансформировалось в теоретические конструкции об «экологической культуре», которая рассматривалась как альтернатива традиционным социокультурным воззрениям, не включающим экологический контекст как один из доминирующих в системе современного экономизма.

На Саммите III (Рио-92), а позднее под эгидой ЮНЕСКО включенность экологической составляющей в культурологическую картину мира трактовалась как важный фактор вхождения цивилизации на уровень УР-стратегии. Мировая культура, преодолевая антропоцентризм западноевропейского типа и воспринимая биосфероцентризм культурологических трендов восточного мышления, тяготеет к системным (интегральным) социокультурным стереотипам [8]. Иначе говоря, сохраняя национально-региональную специфику, перспективная «интегрированная культура», базируясь на единых принципах экологизма, формирует идеальный имидж грядущей цивилизации. В его основе — представление о целостности мира, единстве локальных и региональных процессов, баланс между сохранением своеобразия и единства западных и восточных ветвей цивилизации в процессе формирования сравнительно единой мировой культуры, устремленной в «устойчивое будущее».

Логичен вопрос: может ли стратегия устойчивого развития способствовать изменению мира [1]? При этом в единый концептуальный узел завязываются как процессы ноосферогенеза, так и его современная ипостась — глобализация [7], что оборачивается гармонизацией взаимоотношений человека и среды его обитания, или, как квалифицировал этот процесс Н.Н. Моисеев, коэволюцией составных элементов глобальной системы «че-

ловечество—биосфера» [15]. Тем самым создаются предпосылки снятия «восьми смертных грехов» человека современного социума, базовые из которых включают социально-экологическое и социокультурное измерение [12]. Контуры «триады устойчивости» к началу третьей декады XXI в. проявляются все отчетливее. Кажется, мировое сообщество в целом сформировало представление о стратегических направлениях динамики цивилизации, обеспечивающих ее позитивное историческое развитие. Иное дело, что процесс перехода концепции на уровень стратегии УР, т.е. придания теоретической модели ускоренного реального практического выражения, отнюдь не прост, требуя дальнейшей концептуальной доработки и временной пролонгации.

Заключение

XXI в. представляется Рубиконом — рубежом, преодолевая который современная цивилизация или сумеет разрешить возникающую систему глобальных противоречий социоприродного характера, устремляясь к XXII столетию, или, не найдя им «противоядия», будет медленно, но неуклонно приближаться к своему историческому «закату». В этом контексте реализация УР-концепции рассматривается как возможное стратегическое направление позитивного цивилизационного динамизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аткиссон А.* Как устойчивое развитие может изменить мир. М.: Бионом. Лаборатория знаний, 2012.

2. *Вернадский В.И.* Автотрофность человечества // Проблемы биогеохимии. Труды биогеохимической лаборатории. Вып. XVI. М.: Наука, 1980. С. 228—246.

3. *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991.

4. *Гейт Н.А.* Зарубежный опыт организации управления охраной окружающей среды // Право и современные государства. 2012. № 2. С. 13—21.

5. *Гусев А.А.* Охрана окружающей среды в рыночной экономике // Экономика и математические методы. 2014. Т. 50, № 3. С. 38—44.

6. Зеленая экономика и цели устойчивого развития для России / Под ред. С.Н. Бобылёва и др. М.: Изд-во Московского университета, 2019.

7. *Зубков С.А.* Экофильное сознание и человек будущего // Философская мысль. 2019. № 8. С. 17—23.

8. *Ильин И.В., Урсул А.Д., Урсул Т.А.* Ноосферогенез как глобальный процесс (концепция ноуглобалистики) // Вестник Московского университета. Сер. 27. Глобалистика и геополитика. 2014. № 1/2. С. 33—49.

9. *Кобылянский В.А.* Философия экологии. М.: Академический проект, 2010.

10. *Кричевский С.В.* Перспективы освоения космоса человеком: Новые идеи, проекты, технологии. М.: URSS, 2021.

11. *Левина Т.В.* «Вне мира»: Предел антропоцентризма в философии экологии // Артикульт. 2014. Т. 15, № 3. С. 17—25.

12. *Лоренц К.* Восемь смертных грехов. М.: Республика, 1998.

13. *Лось В.А.* О понятии «автотрофности человечества» // Философские науки. 1972. № 4. С. 128—131.

14. *Марфенин Н.Н.* Устойчивое развитие человечества. М.: Изд-во Московского университета, 2006.

15. *Моисеев Н.Н.* Человек и ноосфера. М.: Молодая гвардия, 1990.

16. *Мортон Т.* Стать экологичным. М.: Айрис, 2019.

17. *Мунин П.И.* Теория устойчивого развития: Информационные основы. М.: URSS: Либроком, 2009.

18. Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1989.

19. Основные положения стратегии устойчивого развития России / Под ред. А.М. Шелехова. М.: Госдума, 2002.

20. Русский космизм: Антология философской мысли. М.: Педагогика-Пресс, 1993.

21. *Субетто А.И.* Ноосферная научная школа в России: Итоги и перспективы. Ноосферная общественная академия наук. СПб.: Астерион, 2012.

22. *Урсул А.Д.* Феномен ноосферы: Глобальная эволюция и ноосферогенез. М.: URSS: ЛЕНАНД, 2015.

23. Устойчивое развитие: Новые вызовы / Под ред. В.И. Данилова-Данильяна, Н.А. Пискуловой. М.: Аспект Пресс, 2015.

24. *Фи Н.* Экosapiens. М.: Литрес, 2020.

25. *Фромм Э.* Иметь или быть? М.: АСТ, 2011.

26. *Carson R.* The Silent Spring. N.Y.: Houghton Mifflin Company, 1962.

27. Global Environment Outlook (GEO-5). UNEP, 2012.

28. Global Environment Outlook (GEO-6). UNEP, 2019.

29. *Meadows D., Randers J., Meadows D., Behrens W.* The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. N.Y.: Universe Books, 1972.

30. *Nicholson M.* The Environmental Revolution. N.Y.: Holder & Stoughton, 1970.

REFERENCES

1. Atkisson A. 2012. *How sustainable development can change the world.* Moscow, Bionom. Knowledge Lab. (In Russ.)

2. Vernadsky V.I. 1980. *Autotrophy of humanity. Problems of biogeochemistry. Proceedings of the Biogeochemical Laboratory.* Moscow, Science, vol. XVI, pp. 228—246. (In Russ.)

3. Vernadsky V.I. 1991. *Scientific thought as a planetary phenomenon.* Moscow, Science. (In Russ.)

4. Gate N.A. 2012. "Foreign experience in the organization of environmental protection management". *Law and modern states,* no. 2, pp. 13—21. (In Russ.)

5. Gusev A.A. 2014. "Environmental protection in a market economy". *Economics and Mathematical Methods,* vol. 50, no. 3, pp. 38—44. (In Russ.)

6. Bobyljov S.N., Kirjushin P.A., Kudrjavceva O.V. (eds.). 2019. *Green economy and sustainable development goals for Russia.* Moscow, Moscow University Publishing House. (In Russ.)

7. Zubkov S.A. 2019. "Ecophilic consciousness and the man of the future". *Philosophical thought,* no. 8, pp. 17—23. (In Russ.)

8. Ilyin I.V., Ursul A.D., Ursul T.A. 2014. "Noospherogenesis as a global process (the concept of nooglobalistics)". *Bulletin of the Moscow University, series 27, Global Studies and Geopolitics,* no. 1/2, pp. 33—49. (In Russ.)

9. Kobylyansky V.A. 2010. *Philosophy of ecology.* Moscow, Academic project. (In Russ.)

10. Krichevsky S.V. 2021. *Prospects for human space exploration: New ideas, projects, technologies.* Moscow, URSS. (In Russ.)

11. Levina T.V. 2014. "'Outside the world': the limit of anthropocentrism in the philosophy of ecology". *Artikult,* vol. 15, no. 3, pp. 17—25. (In Russ.)

12. Lorenz K. 1998. *Eight deadly sins.* Moscow, Republic. (In Russ.)

13. Los V.A. 1972. *On the concept of "autotrophy of mankind".* Philosophical Sciences, no. 4, pp. 128—131. (In Russ.)

14. Marfenin N.N. 2006. *Sustainable development of mankind.* Moscow, Moscow University Publishing House. (In Russ.)

15. Moiseev N.N. 1990. *Man and the noosphere.* Moscow, Young Guard. (In Russ.)

16. Morton T. 2019. *Go green.* Moscow, Iris. (In Russ.)

17. Munin P.I. 2009. *Theory of sustainable development: information bases.* Moscow, URSS, Librocom. (In Russ.)

18. *Our common future. Report of the International Commission on Environment and Development (ICEDD).* 1989. Moscow, Progress. (In Russ.)

19. Shelekhov A.M. (ed.). 2002. *The main provisions of the strategy of sustainable development of Russia.* Moscow, State Duma. (In Russ.)

20. *Russian cosmism: Anthology of philosophical thought.* 1993. Moscow, Pedagogy-Press. (In Russ.)

21. Subetto A.I. 2012. *Noospheric scientific school in Russia: results and prospects. Noospheric Public Academy of Sciences.* St. Petersburg, Asterion. (In Russ.)

22. Ursul A.D. 2015. *The phenomenon of the Noosphere: Global evolution and noospherogenesis.* Moscow, URSS, LENAND. (In Russ.)

23. Danilov-Danilyan V.I., Piskulova N.A. (eds.). 2015. *Sustainable development: new challenges.* Moscow, Aspect Press. (In Russ.)

24. Fi N. 2020. *Ecosapiens.* Moscow, Litres. (In Russ.)

25. Fromm E. 2011. *To have or to be?* Moscow, AST. (In Russ.)

26. Carson R. 1962. *The Silent Spring.* New York, Houghton Mifflin Company.

27. Global Environment Outlook (GEO-5).UNEP, 2012.

28. Global Environment Outlook (GEO-6).UNEP, 2019.

29. Meadows D., Randers J., Meadows D., Behrens W. 1972. *The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind.* New York, Universe Books. 211 c.

30. Nicholson M. 1970. The Environmental Revolution. New York, Holder & Stoughton.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

1. *Atkisson A.* Kak ustojchivoe razvitie mozhet izmenit' mir. M.: Bionom. Laboratorija znanij, 2012.

2. *Vernadskij V.I.* Avtotrofnost' chelovechestva // Problemy biogeohimii. Trudy biogeohimicheskoj laboratorii. Vyp. XVI. M.: Nauka, 1980. S. 228—246.

3. *Vernadskij V.I.* Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie. M.: Nauka, 1991.

4. *Gejt N.A.* Zarubezhnyj opyt organizacii upravlenija ohranoj okruzhajushhej sredy // Pravo i sovremennye gosudarstva. 2012. № 2. S. 13—21.

5. *Gusev A.A.* Ohrana okruzhajushhej sredy v rynochnoj jekonomike // Jekonomika i matematicheskie metody. 2014. T. 50, № 3. S. 38—44.

6. Zelenaja jekonomika i celi ustojchivogo razvitija dlja Rossii / Pod red. S.N. Bobyljova I dr. M.: Izd-vo Moskovskogo Universiteta, 2019.

7. *Zubkov S.A.* Jekofil'noe soznanie i chelovek budushhego // Filosofskaja mysl'. 2019. № 8. S. 17—23.

8. *Il'in I.V., Ursul A.D., Ursul T.A.* Noosferogenez kak global'nyj process (koncepcija nooglobalistiki) // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 27. Globalistika i geopolitika. 2014. № 1/2. S. 33—49.

9. *Kobyljanskij V.A.* Filosofija jekologii. M.: Akademicheskij proekt, 2010.

10. *Krichevskij S.V.* Perspektivy osvoenija kosmosa chelovekom: Novye idei, proekty, tehnologii. M.: URSS, 2021.

11. *Levina T.V.* «Vne mira»: Predel antropocentrizma v filosofii jekologii // Artikul't. 2014. T. 15, № 3. S. 17—25.

12. *Lorenc K.* Vosem' smertnyh grehov. M.: Respublika, 1998.

13. *Los' V.A.* O ponjatii «avtotrofnosti chelovechestva»// Filosofskie nauki. 1972, № 4. S. 128—131.

14. *Marfenin N.N.* Ustojchivoe razvitie chelovechestva. M.: Izd-vo Moskovskogo Universiteta, 2006.

15. *Moiseev N.N.* Chelovek i noosfera. M.: Molodaja gvardija, 1990.

16. *Morton T.* Stat' jekologichnym. M.: Ajris, 2019.

17. *Munin P.I.* Teoriya ustojchivogo razvitiya: Informacionnye osnovy. M.: URSS: Librokom, 2009.

18. Nashe obshchee budushchee. Doklad Mezhdunarodnoj komissii po okruzhayushchej srede i razvitiyu (MKOSR) / Per. s angl. M.: Progress, 1989.

19. Osnovnye polozheniya strategii ustojchivogo razvitiya Rossii // Pod red. A.M. Shelekhova. M.: Gosduma, 2002.

20. Russkij kosmizm: Antologija filosofskoj mysli. M.: Pedagogika-Press, 1993.

21. *Subetto A.I.* Noosfernaja nauchnaja shkola v Rossii: Itogi i perspektivy. Noosfernaja obshhestvennaja akademija nauk. SPb.: Asterion. 2012.

22. *Ursul A.D.* Fenomen noosfery: Global'naya evolyuciya i noosferogenez. M.: URSS: LENAND, 2015.

23. Ustojchivoe razvitie: Novye vyzovy / Pod red. V.I. Danilova-Danil'jana, N.A. Piskulovoj. M.: Aspekt Press, 2015.

24. *Fi N.* Jekosapiens. M.: Litres, 2020.

25. *Fromm E.* Imet' ili byt'? M.: AST, 2011.